

к 1
XVIII 38
42

*Вис
9/2/21
18355*

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ОЖ-16009-1912

П р а в о с л а в н а я

У р м і я

Русское издание

У Р М І Й С К О Й

П РАВОСЛАВНОЙ МИССИИ

Адресъ редакціи
Джульфа (Эрив. г.)
черезъ Россійское
Императорское
вице - консульство
въ Урміи Русской
Православной Ду-
ховной Миссии.

ВЪ ПЕРСИИ.

Вышелъ 26 Мая.

№ 4-й.

1912.

„Православная Урмія“
высылается за 2 р.
въ годъ (въ Персіи 1
туманъ). Редакціи
газетъ и журна-
ловъ благоволятъ въ
обмѣнъ присылать
свои изданія.

Содержаніе: Въ царствѣ католиковъ.
(Дневникъ моего пребыванія въ Салмасѣ въ Сентябрь 1911 г.)
«Атурайе». «Помни Персію».

Въ царствѣ католиковъ.

(Дневникъ моего пребыванія въ Салмасѣ въ Сентябрѣ 1911 года).

(Продолженіе.)

4-е Сентября. Утренняя сегодня въ воскресенье была совершена вся по-сирійски. Я произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ прїѣздъ нашъ въ Хосрову какъ вступленіе въ непріятельскій лагерь. Непритель, сказалъ я, намъ очень хорошо извѣстенъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ не стѣсняется никакими средствами борьбы съ православіемъ, хитростью, угрозами, подкупами и пр. Насколько когда то была сильна дружба во Христѣ Востока и Запада, настолько же Западъ потомъ сталъ врагомъ православія. Я прибавилъ, что, можетъ быть, многіе изъ задумавшихъ принять православную вѣру, теперь находятся въ раздумьи и нерѣшительности и имъ становится тяжело порвать окончательно съ вѣрой, въ которой выросли. Но этимъ чувствомъ смущаться не слѣдуетъ: это печаль невѣсты въ послѣдній день, когда ей предстоитъ навсегда покинуть кровь родителей. Крѣпость католическая для насъ уже не страшна: разъ мы появились внутри нея, то это есть начало завладѣнія ею; нечего смущаться тѣми, которые не желаютъ принимать православіе, какъ равно и тѣми, которые измѣняютъ этому желанію въ рѣшительный моментъ...

Согласно даннаго въ субботу обѣщанія, въ воскресенье послѣ службы мы съ іеромонахомъ и мирзой В. поѣхали въ село Патавуръ. Село большое (70 домовъ), но уже приближеніе къ нему произвело на меня плохое впечатлѣніе и я мысленно обезпokoился за того изъ нашихъ, кому придется когда-нибудь служить въ Патавурѣ. Предчувствія мои какъ-будто имѣли почву и были чѣмъ-то пророческимъ лично для меня. Пришли въ одинъ домъ, гдѣ, однако, вопреки обѣщаніямъ наканунѣ, ничего не было приготовлено и какъ-будто намѣрено. Первыя впечатлѣнія отъ тѣхъ, съ кѣмъ

пришлось встрѣтиться въ этомъ селѣ, были иныя чѣмъ въ Хосровѣ. Здѣсь больше вѣяло католическимъ духомъ, и въ наружности сирійцевъ было что-то специфически католическое, для насъ православныхъ непріятное; особенно это нужно сказать про женщинъ, которыя напоминали извѣстныхъ въ Россіи девокъ съ ихъ специфическимъ выраженіемъ на лицѣ и пр. Я сразу почувствовалъ, что здѣсь насъ врядъ-ли примутъ... Собрались до десяти домохозяевъ. На предложенный вопросъ, желаютъ ли они принять православіе, одинъ изъ нихъ, очень разбитной, отвѣтилъ въ свою очередь хитрымъ и безцеремоннымъ вопросомъ: будемъ ли мы записывать ихъ въ русское подданство, что же касается вѣры, то, сказалъ онъ, вѣра одна и таже, что у васъ, что у насъ,—христіанская. Русскіе—христіане и мы христіане, заключилъ онъ. Мнѣ пришлось черезъ переводчика выяснить, что это далеко не такъ. Самъ я, хотя и знаю по-сирійски, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобныхъ описываемому, предпочитаю объясняться чрезъ переводчика. Во-первыхъ, объяснилъ я, мы—люди духовные и въ подданство не записываемъ, это дѣло свѣтской власти. Во-вторыхъ, католичество и наша церковь не одно и то же. Католики Салмаса, продолжалъ я, не знаютъ, но слѣпо вѣрятъ въ папскую церковь, не хотятъ слышать про другія. Мы же замѣчаемъ, что не все у нихъ хорошо: они совсѣмъ не знаютъ евангелія (ни въ одномъ домѣ не найти его), преклоняютъ колѣна предъ священниками, которые держатъ ихъ въ рабствѣ и страхѣ. Про папу я не сталъ теперь упоминать, предполагая, что патавурцы хорошо не знаютъ, кто онъ и какое значеніе ему придается католической церковью. О другихъ разницахъ я не сталъ говорить, ибо это

было бы бесполезно. Патавурцы заявили, что они остаются католиками и удалились. Сопровождавшій меня мирза В. заявилъ, что они боятся козней со стороны патеровъ и будутъ православными послѣ хосровинцевъ.

Изъ Патавура мы прослѣдовали въ селеніе Гулизанъ. Здѣсь остановились въ домѣ нѣкоего діакона Якуба, оказавшагося пресвитерьяниномъ и ученикомъ урмійскихъ пресвитерьянскихъ миссіонеровъ. Это, кажется, единственный пресвитерьянскій домъ въ Салмасѣ среди сирійцевъ (есть еще среди армянъ). Было чрезвычайно интересно поэтому увидѣть отродѣ урмійскаго протестантства здѣсь. Въ Урміи протестанты свили себѣ прочное гнѣздо. Ихъ успѣхъ завоеванъ главнымъ образомъ насажденіемъ просвѣщенія. Когда они пришли сюда, то сирійская церковь и народность были въ полномъ упадкѣ. Восемьдесятъ лѣтъ труда вознаградили пресвитерьянъ въ Урміи созданіемъ общины 3000 душъ. Салмасъ, благодаря пребыванію католической Миссіи въ Хосровѣ, основанной около ста лѣтъ назадъ, до сихъ поръ не представляетъ удобной почвы для насажденія протестантскихъ мнѣній. Вотъ почему встрѣча съ пресвитерьяниномъ когда-то, діаконъ Якубомъ, была для меня очень интересна. Отрицаніе папства, этого самаго убогаго догмата католической церкви, какъ-будто сближало насъ. Римъ какъ для протестантовъ, такъ и для православныхъ является врагомъ и недоброжелателемъ. Принимая меня какъ соратника въ борьбѣ съ папской ложью, Якубъ очень обрадовался нашему приѣзду въ Хосрову и счелъ нужнымъ дать краткую характеристику этому селу. Хосрова, по его словамъ, второй Римъ. Конечно, болѣе соответствовало бы правдѣ назвать Хосрову персидскимъ Римомъ. Типичное католическое село, нафанатизированное патерами до крайней степени. вмѣстѣ съ тѣмъ Якубъ сообщилъ о себѣ интересныя свѣдѣнія изъ исторіи своей жизни о томъ, какъ онъ сдѣлался пресвитерьяниномъ (ему теперь подъ шестьдесятъ лѣтъ). Учился онъ у католиковъ въ ихъ семинаріи въ Хосровѣ. Уже на серединѣ

курса онъ случайно попалъ въ селеніе Гявильянъ въ Урміи (пограничное селеніе урмійскаго округа, отдѣленное отъ Салмаса горнымъ кряжемъ). Здѣсь познакомился съ протестантскимъ проповѣдникомъ (пасторомъ). Разговоры съ послѣднимъ сразу перевернули религіозныя убѣжденія молодого семинариста. Сначала онъ пробовалъ защищать католичество, но былъ побѣжденъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ пресвитерьянское богословское училище въ Урміи, гдѣ получилъ полную протестантскую закваску и, какъ всегда, бываетъ въ такихъ случаяхъ, сталъ злѣйшимъ противникомъ пресвитерьянъ. До нашего приѣзда въ Хосрову онъ, по его словамъ, никакъ не рѣшался появиться на улицахъ ея; какъ еретика, его здѣсь могли жестоко обидѣть и даже побить. Такой случай памятенъ въ исторіи Хосровы: одинъ протестантскій проповѣдникъ изъ Урміи осмѣлился появиться въ этомъ селѣ и открыть ротъ для свободнаго религіознаго собесѣдованія. Католики избili его какъ слѣдуетъ и бросили въ канаву съ водой (дѣло было передъ зимою), и ревнитель протестантства долженъ былъ отплатить лихоградкой за свое поползновеніе попроповѣдать въ „персидскомъ Римѣ“. Якубъ рассказалъ болѣе страшную вещь. Одинъ католическій епископъ пригрозилъ прикончить съ нимъ (убить), на что онъ отвѣтилъ кратко и мудро: „ну что же, будешь Каинъ“...

Разговоръ нашъ съ салмасскимъ пресвитерьяниномъ не ограничился католичествомъ. Можетъ быть искренно, а можетъ быть и лицемѣрно, Якубъ пожелалъ узнать, что представляетъ изъ себя наша православная церковь, походитъ ли она на католическую или нѣтъ. Ничего не утаивая, я отвѣтилъ, что если судить по внѣшности, то можно найти очень много сходства между нами и католиками, особенно же въ томъ, что отрицаютъ протестанты: таинства, ритуаль, иконы и пр.. Услышавши объ употребленіи иконъ, Якубъ язвительно усмѣхнулся. Но тутъ я уже не медлилъ и началъ объяснять ему, что всѣ вещи, отрицаемыя протестантами на основаніи Священнаго Писанія, имѣютъ полное и разумное право

на существованіе. Я провель ту идею, что въ Церкви есть не только то, что записано въ Писаніи, но нѣчто большее, о чемъ въ Писаніи въ упомянуто. Основаніе для установленія этого лишняго, въ Писаніи не опредѣленнаго и измѣнчиваго, заключается въ неложномъ обѣтованіи Спасителя о ниспосланіи Святаго Духа, Который живетъ въ Церкви и наставляетъ ее на всякую истину. Въ дополненіе къ этому, относительно ритуала я объяснилъ, что цѣль изображеній—вліяты на сердце христіанъ чрезъ посредство органа зрѣнія. Что же касается молитвъ святымъ и за усопшихъ, то основаніе того и другого заключается въ любви къ членамъ Церкви видимой и невидимой, въ силу каковой любви мы никакъ не можемъ не молиться святымъ и за своихъ усопшихъ собратьевъ, ибо Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ. Мои разъясненія очень понравились Якубу, о чемъ онъ неоднократно говорилъ. Приводить изъ Св. Писаніи какія-либо противосвидѣтельства въ защиту православія противъ протестантовъ я не сталъ. И я вообще не имѣю этого обыкновенія и держусь того не отрицаемаго мнѣнія, что изъ Священнаго Писанія нѣкоторыхъ положеній обрядовъ нашей церкви никакъ нельзя доказать. Иначе могутъ получаться только курьезы.

Изъ Гулизана мы проѣхали въ послѣднее сирійское село въ Салмасъ—Улу. Здѣсь впечатлѣнія рѣзко измѣнились. Прежде всего попались на глаза сирійци-несторіане, у которыхъ на лицѣ всегда свѣтится больше доброты и независимости, чѣмъ у сухихъ католиковъ... Приняли они насъ съ большимъ радушіемъ. Священникъ произвелъ лучшее впечатлѣніе, въ высшей степени скромный, застѣнчивый человекъ, по отзывамъ всѣхъ, очень честно исполняющій свой пастырскій долгъ. Видно было, что этотъ батюшка служитъ не мамонѣ только (какъ вездѣ на востокѣ), но и знаетъ живого Бога, Котораго и боится. Въ Улѣ всѣ заявили о желаніи быть православными. При этомъ обнаружилось заслуживающее вниманія обстоятельство. Нашелся одинъ сиріецъ, который уже 18 лѣтъ, по его словамъ, принялъ православіе. Я его спросилъ,

въ какую же церковь онъ ходитъ, когда живетъ въ селѣ (онъ проводитъ большую часть года на заработкахъ въ Россіи). Ничтоже сумняся, онъ отвѣтилъ, что „въ свою,“ т. е. въ несторіанскую. Несомнѣнно, что этотъ сиріецъ и причащается по-несторіански. Но ихъ не разубѣдить въ этомъ, они настойчиво твердятъ, что разницы между православіемъ и несторіанствомъ никакой не видятъ. Оно и дѣйствительно такъ,—разница очень тонкая догматическая, для простаго человека незамѣтная и даже непонятная. Но все же несторіанская церковь и православная исторически далека другъ отъ друга церкви и обезразличивать ихъ такъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые сирійцы, нельзя. Пріятно отмѣтить лишь, что сирійскій несторіанскій народъ имѣетъ сердечное расположеніе къ нашей церкви, поколющеся на томъ убѣжденіи, что вѣра у нихъ и у насъ одна и та же, особенно же церковные уклады (это совершенно справедливо)... Въ Улѣ мнѣ еще разъ пришлось вспомнить то печальное историческое недоразумѣніе, въ силу котораго сирійцы обозваны несторіанцами, тогда какъ они ни въ какомъ уже случаѣ не исповѣдуютъ догматовъ еретическихъ мнѣній Несторія. Весь грѣхъ этой церкви въ томъ, что она, хорошо не узнавши въ чемъ дѣло, и сбита съ толку нѣкоторыми епископами заправилами, приняла Несторія подъ свое покровительство, обозвавши его „мученикомъ безъ крови“...

5-е Сентября. Утромъ русскій офицеръ, начальникъ конвоя урмійскаго Вице-консула, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами въ Хой и остановившійся въ Хосровѣ, произвелъ расправу надъ однимъ сирійскимъ аскасеромъ (католикомъ), который настолько онаглѣлъ, что въ присутствіи лицъ, расположенныхъ къ Россіи, называлъ собаку русско-подданнымъ и смѣялся надъ Русскимъ царемъ. (Эта-разказала русская женщина, вышедшая замужъ за сирійца и живущая въ Хосровѣ). Въ награду за свою отвагу онъ покушалъ съ десятокъ казачьихъ нагаекъ. Черезъ нѣкоторое время является католическій патеръ сиріецъ, посланный монсиньоромъ (архіепископомъ французомъ, начальникомъ урмійской миссіи лазаристовъ, пріѣхавшимъ за

день до насъ въ Хосрову) и просить офицера отъ имени послѣдняго объяснить, за что казаки побили сирійца, что онъ не виноватъ и что его нельзя бить за то только, что онъ неправославный... Іезуитизмъ католическаго духовенства сейчасъ же сказался здѣсь. Сначала патеръ утверждалъ, что причина наказанія сирійца-хулигана въ его исповѣданіи, и это уже было оскорбленіемъ русскихъ вообще и русскаго офицера. Затѣмъ, получивъ должное разъясненіе, онъ сослался на побитаго, а самъ якобы не довѣряетъ ему. Тѣмъ не менѣе словесное оскорбленіе подозрѣніемъ русскому офицеру и русскимъ вообще уже было нанесено... Тогда мы всѣ не вытерпѣли, и я высказалъ всю правду о католикахъ, сказавъ, что они прекрасно знаютъ фактъ и знаютъ ложь хулигана и, однако, хватается совѣсти у нихъ идти и за такого негодяя требовать объясненій у офицера, присоединяя къ этому оскорбительныя подозрѣнія. Тутъ же я замѣтилъ, что совсѣмъ нецеликомъ, чтобы пастыри церкви открывали дорогу для большей и большей нравственной порчи прихожанъ...

Къ обѣду мы поѣхали, будучи приглашены, къ армянскому купцу, владѣтелю села Паяджукъ, г. М-цу, одному изъ четырехъ извѣстныхъ въ Урміи братьевъ богачей Персіи. Главное занятіе у нихъ торговля и коммиссіонерство: они имѣютъ конторы чуть ли не во всѣхъ столицахъ Европы. Село Паяджукъ большое—до 500 домовъ, жители всѣ армяне, занимаются земледѣліемъ. Пребываніе въ Паяджукѣ открыло для насъ много интереснаго въ смыслѣ ознакомленія съ армянами и ихъ бытомъ. Армяне—это удивительно живучая, энергичная и способная нація (напрашивается сравненіе ихъ съ японцами). Въ Персіи они устраиваются не хуже, если не лучше, чѣмъ въ Россіи. Ихъ смѣлость и мужество извѣстны всѣмъ, какъ и ихъ революціонная дѣятельность,—когда нужно, они вооружаются поголовно. Ихъ боевая организація—дашнакцутюнъ, при всѣхъ своихъ отвратительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ, все же хороша въ Персіи тѣмъ, что внушаетъ должный страхъ мусульманамъ, столь хорошо живущимъ на счетъ сирійцевъ. Курды, эти исконные би-

чи христіанскаго населенія въ Персіи, не особенно-то дерзаютъ затрогивать армянъ...

Въ Паяджукѣ намъ представился случай познакомиться съ главою армянскихъ дашнаковъ, нѣкимъ С.; по слухамъ, онъ именно, по просьбѣ католическихъ миссіонеровъ, держалъ въ террорѣ два года село Хосрову. Онъ самъ это энергично отрицалъ, но гласъ народа—гласъ Божій; и въ Салмасѣ каждый сиріецъ зналъ, что этотъ господинъ пролилъ очень много невинной крови. С. объяснялъ случившіяся убійства внутреннимъ раздоромъ среди самихъ сирійцевъ. Онъ же упрекалъ католическихъ миссіонеровъ въ томъ, что они совершенно не обращаютъ вниманія на нравственное воспитаніе народа и оставляютъ его дичать. Отъ этого, онъ говорилъ, въ Хосровѣ усилилось пьянство съ его неизбѣжными результатами—ссорами и убійствами. Эта личность, всѣмъ извѣстная за разбойника-дашнака, какъ это ни удивительно, состоитъ у армянъ (хороши же армяне!) инспекторомъ народныхъ училищъ въ Салмаской провинціи... С.—бѣглый изъ Россіи армянскій революціонеръ, имѣющій въ рукахъ три паспорта: персидскій, русскій и турецкій. Онъ пользуется въ Салмасѣ громаднымъ вліяніемъ, онъ почти что царь здѣсь, передъ нимъ всѣ трепещутъ, ибо у его небольшой дружины есть не только прекрасное вооруженіе, но и, кажется, бомбы. Губернаторъ у него въ рукахъ, чему и нечего удивляться, ибо губернаторъ въ Салмасѣ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи рѣшительно никакой реальной силы,—у него есть только нѣсколько фарашей для посылокъ по дѣламъ. Стоящая же на площади пушка самаго стариннаго фасона, вѣроятно, никогда не перемѣняетъ своего мѣста, и обращаться съ нею никто не умѣетъ. По слухамъ, С. зашелъ такъ далеко въ утвержденіи своей власти въ Салмасѣ, что ни одна телеграмма не можетъ быть послана или принята безъ его контроля. Но отъ него плохо не одному только губернатору, а еще больше своимъ армянамъ, богатымъ, вродѣ упомянутаго М.. Извѣстно, что комитетъ дашнакцутюнъ дѣлаетъ сборы со всѣхъ не желающихъ записаться въ члены дружины,—съ богачей онъ

дереть невѣроятныя деньги. Говорятъ, что каждый его визитъ къ М. стоитъ послѣд-
нему тысячу тумановъ. Такимъ образомъ
дашнакчунъ обращается въ общество
экспроприаторовъ, открывая широкую доро-
гу ко всякаго рода вымогательствамъ, и
имъ недовольны прежде всего и даже отъ
него стонутъ сами создавшіе. И вотъ они
готовы взывать къ русскимъ, чтобы ихъ
спасли отъ этого бича. Бѣдная нація! ея
шлыть породилъ сильнѣйшую по смѣлости и
отвагѣ боевую организацію, но теперь сама
она попала въ желѣзныя лапы этой орга-
низации и не знаетъ, какъ выбраться изъ
этого тягчайшаго и постыднѣйшаго плѣна.

Дашнаки, кажется, никого не боятся,
кромѣ русскихъ солдатъ и казаковъ... Ког-
да С. пришелъ въ домъ упомянутого по-
мѣщика, по приглашенію бывшаго тамъ офи-
цера, начальника консульскаго конвоя въ
Урміи, то видно было, какъ его пробралъ
холодный потъ, какъ дрожали его руки
вмѣстѣ съ голосомъ: онъ, повидимому, бо-
ялся, какъ бы его не арестовали. Только
мирный ходъ разговора мало-по-малу при-
велъ его въ равновѣсіе. Онъ отрицалъ ка-
кое бы то ни было участіе въ убійствахъ
хосровинцевъ и увѣрялъ, что о немъ до сихъ
поръ никто не сказалъ никогда плохого
слова. Однако онъ призналъ, что въ Хосровѣ
у него есть три дружинника изъ сирійцевъ
безъ оружія. Этого признанія было доста-
точно, чтобы признать С. злымъ тиран-
номъ Салмаса.

Кромѣ С., этого отвратительнаго типа
дашнаковъ, въ Паяджукъ мы видѣли вещи
болѣе заслуживающія вниманія и возвы-
шеннаго качества. Прежде всего надо ска-
зать здѣсь объ армянскомъ храмѣ. Инте-
ресное и заслуживающее вниманія зданіе:
древнее, изъ нетесаннаго крупнаго камня,
сводчатое и просторное. Со внѣ онъ имѣ-
етъ общій видъ армянскихъ храмовъ, столь
знакомыхъ всякому посѣтившему Тифлисъ.
Вспомнимъ, что эти храмы не имѣютъ круг-
лаго вышуклаго купола, какъ византійскіе
православные, вершины ихъ конусообраз-
ныя или пирамидальныя, не лишеныя
своеобразной красоты.

Внутреннее убранство храма поразило

насъ: по стѣнамъ висѣли почти все русскія
иконы. Какъ жаль, что этотъ народъ до
сихъ поръ упорно и самодовольно держится
въ религіозномъ обособленіи отъ русскаго
православнаго, имѣя такую близость къ
православной вѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ...
Никакой другой причины къ этому нѣтъ,
кромѣ исторической гордости и заносчиво-
сти армянъ. Подробности храмоваго устрой-
ства и богослуженія у нихъ поразительно
сходны съ нашими, только иконостасовъ у
нихъ нѣтъ, престолъ къ стѣнкѣ, какъ като-
лическій (надъ нимъ сѣнь—подобіе храма).
Но церковныя украшенія, особенно иконы,
затѣмъ кресты, свѣчи, одежды—все это по-
разительно сходно съ православнымъ. Инте-
ресно, что для стоянія женщинъ въ храмѣ
отведено особое мѣсто (какъ жаль, что въ
нашихъ храмахъ забытъ этотъ древній ра-
зумный обычай!) въ западной части храма,
отгороженное рѣшеткой. Дѣти за службой
тоже стоятъ отдѣльно, вверху надъ женщи-
нами. Есть ящикъ для продажи свѣчей. Во-
обще впечатлѣнія отъ храма самыя хорошія.

Изъ церкви провели насъ въ низень-
кое одноэтажное зданіе, вновь отстроенное.
Отворили дверь, и каково было наше удив-
леніе, когда мы увидѣли предъ собою те-
атральную сцену (это въ Персіи-то!) съ де-
корациями. Одинъ изъ учителей школы (ихъ
два, объяснили намъ) занимается актерскимъ
дѣломъ. Эта забава, нужно думать, по вку-
су обывателямъ села, привыкшимъ къ мо-
нотонной и однообразной до крайней сте-
пени персидской жизни. Учителя армянскіе
занимаются, не къ похвалѣ имъ, двумя глав-
нымъ образомъ дѣлами: насажденіемъ ре-
волюціонныхъ идей и актерствомъ, т. е.
приученіемъ народа къ зрѣлищамъ.

Затѣмъ насъ повели въ школу, и здѣсь
нельзя было не удивляться: двухъ-этажное
приличное, даже красивое по Персіи, зда-
ніе, окна со стеклами. Въ немъ помѣщаются
четыре класса въ четырехъ отдѣльныхъ
комнатахъ и есть комната для учителей, въ
которой стоитъ шкафъ съ книжными посо-
біями. Стѣны завѣшаны географическими
картами, нѣкоторыя съ надписями мѣсть
по-армянски. Книги всѣ на армянскомъ язы-
кѣ. Въ школѣ проходитъ непремѣнно рус-

скій языкъ, ибо жители села въ большомъ числѣ ходятъ на заработки въ Россію. Учителей два, изъ нихъ старшій окончилъ Тифлисскую Нерсесинъ семинарію (духовную), есть одна учительница. Мальчиковъ и дѣвочекъ въ школѣ до 120. Курсъ четыре года, возрастъ съ восьми лѣтъ для младшихъ. На дворѣ имѣются приспособленія для гимнастики: Вообще все какъ надо быть по требованіямъ новой педагогики. Въ классахъ парты по русскому образцу.

Я не могъ не выразить своего удивленія и удовольствія, видя такую благоустроенную школу въ глухой провинціи Салмаса; даже въ Урміи я не видѣлъ такихъ школъ.

Видно вообще по всему, что армяне хорошо поняли цѣну просвѣщенія и уже не скупаются ничѣмъ для его развитія. Вотъ если бы сирійцы въ Урміи прониклись этимъ сознаніемъ и не скупались бы и облегчили бы хотя немного бремя громаднхъ расходовъ, которые производитъ на школы среди нихъ наша Миссія!

Въ заключеніе своихъ впечатлѣній не могу не отмѣтить одно обстоятельство относительно армянъ, бросившееся мнѣ особенно въ глаза: это—низкое положеніе, которое у нихъ занимаютъ священники. Священникъ въ армянскомъ селѣ, если онъ не дашнакъ, не имѣетъ никакого значенія въ общественныхъ дѣлахъ въ глазахъ прихожанъ; самый внѣшній видъ его, всегда почти убогій, заставляетъ сразу заподозрить, гдѣ центръ тяжести армянскаго вниманія, не на духовныхъ лицахъ во всякомъ случаѣ, какъ это видимъ у сирійцевъ. Церковному, повидимому, вообще не придается не только главенствующаго, но и приличнаго вниманія; школа и учителя куда выше: они во всѣхъ отношеніяхъ преобладаютъ. Священники у армянъ большею частью малообразованные и потому не имѣютъ должнаго авторитета въ глазахъ прихожанъ. Когда я спросилъ у моихъ собесѣдниковъ армянъ, какая этому причина, то они указали на недостаточное матеріальное обезпеченіе ихъ духовенства. Но, по моему мнѣнію, причина кроется глубже, именно въ чрезвычайно матеріалистическомъ направленіи жизни армянской націи, забывшей завѣты

своихъ предковъ въ новое время и какъ будто хотящей тянуться по стопамъ Франціи. Армянинъ очень склоненъ къ погонѣ за излишнимъ матеріальнымъ достаткомъ, наживой, и желаетъ придавать значеніе только тому, что непосредственно способствуетъ пополненію его кармана. На Востокѣ и въ частности въ Персіи вездѣ такъ въ большей или меньшей степени, но армяне, кажется, въ этомъ отношеніи преобладаютъ надъ всѣми и надъ сирійцами. Черта эта у восточныхъ христіанъ несомнѣнно есть свидѣтельство о пониженіи у нихъ христіанскаго сознанія, а не только объ отрицательныхъ культурныхъ вліяніяхъ, которыя отъ многихъ изъ нихъ очень и очень далеки. Мусульманство съ его исключительно чувственнымъ направленіемъ жизни, нѣтъ сомнѣнія, сыграло большую роль въ ослабленіи религіознаго жизненнаго сознанія у восточныхъ нашихъ единовѣрцевъ, когда оно поселилось рядомъ съ христіанствомъ и политически возобладало надъ нимъ... Появленіе и распространеніе революціонныхъ новыхъ идей, всецѣло приковывающихъ человѣка къ землѣ и земному суду, только способствовало укрѣпленію матеріализма въ армянскомъ народѣ. А ихніе культуртрегеры, большею частью учителя, совершенные матеріалисты.

Изъ Паяджукъ я проѣхалъ чрезъ армянское село Гапуванъ. Здѣсь есть русскоподданные, устроившіеся великолѣпно. Одинъ изъ нихъ недавно затѣялъ новое для Персіи предпріятіе—стекольный заводъ. Онъ за это заслуживаетъ похвалы, ибо на персидскомъ рынкѣ стекло очень дорого, а иногда его и достать нельзя (привозить его трудно,—цѣлые десятки ящиковъ въ караванѣ оказываются при вскрытіи побитыми въ труху). Цѣна стекла поэтому крайне неустойчивая, но никогда не низкая, т. е. умеренная: непремѣнно въ два-три раза больше чѣмъ въ Россіи. По словамъ хозяина завода, первый опытъ выдѣлки стекла не былъ удаченъ—стекло вышло очень зеленое. Тогда онъ выписалъ изъ Россіи новаго мастера—поляка и этотъ высказывалъ увѣренность, что послѣ произведенныхъ измѣненій въ постройкѣ завода и печи стекло уже бу-

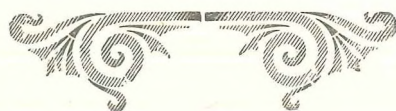
детъ лучше.

Вообще армяне въ Салмасѣ, особенно русско-подданные, живутъ припѣваючи, никто ихъ не смѣетъ тронуть, ни мусульмане,

ни курды, только по временамъ страдаютъ отъ дашнакчутюна. Но тутъ имъ сочувствовать уже трудно, ибо это ихъ собственное порожденіе...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*Начальникъ Миссіи,
Архимандритъ Сергій.*

«Атурайе.»

(Историческій очеркъ.)

Такъ называетъ себя незначительный въ настоящее время народъ, разбросанный въ долинахъ Персіи къ западу отъ оз. Урміи, въ горахъ турецкаго Курдистана и частью въ русскомъ Закавказьѣ. Въ этомъ названіи поселенцы сохранили память о своемъ прежнемъ мѣстопробываніи: арамейское слово «Атуръ» или «Аторъ» означаетъ Ассирію. Но, называя себя «атурайе»—ассиріянами,—они едва ли помнятъ именно о древнемъ ассирійскомъ царствѣ: въ христіанскую эру имя «Аторъ» носила церковная область съ митрополичьей кафедрой въ Мосулѣ. Въ концѣ XIV в. политическія невзгоды и нашествіе Тамерлана побудили христіанъ области аторской искать себѣ убѣжища въ ущельяхъ Курдистана. А когда наступили болѣе спокойныя времена, аторскіе бѣженцы частью расселились въ Курдистанѣ, частью выселились къ берегамъ урмійскаго озера, продолжая носить свое прежнее имя «атурайе». Въ предѣлахъ Россіи они появились послѣ русско-персидской войны 1827 г. и живутъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ с. Койласарѣ Эриванскаго уѣз., а отдѣльными семьями встрѣчаются въ Шаруро-Даралагезскомъ и Эчмиадзинскомъ уѣздахъ, также въ Тифлисѣ.

«Атурайе»—лишь недавніе гости на земли чуждей, но они очень древній народъ. Антропологическій типъ ихъ сохраняется, по видимому, довольно чистымъ и они могутъ считаться наименѣ смѣшанными потом-

ками древнихъ ассирійцевъ. У большинства ихъ длинныя, спускающіяся на шею, слегка вьющіеся черныя волосы; большая, широкая, черная борода (обильная вообще волосатость); густыя, нерѣдко сросшіяся, брови; прямые, толстые, часто съ горбиною, носы; круглое лицо, рѣзко выраженная брахицефалія (короткоголовые); высокій ростъ, стройное сложеніе. Нѣкоторое сходство по типу они выказываютъ съ кавказскими (ахалцыхскими) евреями. На многочисленныхъ ассирійскихъ изображеніяхъ мы видимъ именно эту фізіономію съ рѣзкими, опредѣленными чертами,—тотъ самый типъ, который мы обыкновенно называемъ семитическимъ и который, однако, нельзя смѣшать ни съ какимъ инымъ среди семитовъ.

Для нашей цѣли пока достаточно установить здѣсь, что имя *ассиріане*—«атурайе»—обозначаетъ ихъ точнѣе и выразительнѣе, чѣмъ весьма условное названіе «сиро-халдеи», принятое по языку за признакъ происхожденія ихъ. Но и на этомъ основаніи современные *ассиріане* представляютъ собою остатокъ древнѣйшаго народа, которому нельзя отказать въ родствѣ съ послѣпотопнымъ родоначальникомъ Ассуромъ. Языкъ, на которомъ говорятъ они теперь, извѣстный подъ неправильнымъ именемъ ново-сирійскаго языка, близокъ къ языку, на которомъ говорилъ Навуходоносоръ, и въ основѣ является языкомъ, который слышался и въ Ассиріи и въ Вавилоніи, который

при ассирійцахъ служилъ для древняго Востока органомъ международныхъ сношеній,—какъ теперь французскій языкъ,—тогда какъ собственно ассирійскій языкъ оставался лишь правительственнымъ и официальнымъ. Такъ называемые восточно-арамейскіе говоры этого языка, исчезнувшіе въ Вавилоніи, живутъ до сихъ поръ въ устахъ современныхъ *ассиріянь*.

Что касается, наконецъ, усвояемаго этому народу названія «сирійцы», наиболее популярнаго, то оно является лишь общимъ именемъ всѣхъ христіанъ Востока, безъ различія національностей. Греческія наименованія «Сирія» и «сирійцы» первоначально были сокращеніемъ названій «Ассирія» и «ассирійцы» и означали Ассирію и всѣхъ ея подданныхъ. Только въ греко-римскій періодъ, когда классическій міръ ближе познакомился съ Востокомъ, эти термины стали примѣняться въ ихъ собственномъ и отличномъ другъ отъ друга смыслѣ. Но и при этомъ наименованіе «сирійцы» было усвоено всѣми христіанами Востока,—въ томъ числѣ, значитъ, и ассирійцами,—у которыхъ въ качествѣ священнаго литературнаго языка было и отчасти продолжаетъ быть центрально-арамейское нарѣчіе, въ силу этой важности своей названное языкомъ сирийскимъ преимущественно передъ другими, хотя уже въ XI в. оказавшееся непонятнымъ для самихъ сирийцевъ.

Между прочимъ, принятое въ позднѣйшее время, какъ синонимъ «атурайе», названіе ихъ *айсорами* ближе къ опредѣленію по національности, чѣмъ обычное народное именованіе «сирійцы», такъ какъ слово *Айсоръ* есть лишь армянскій переводъ слова *Ассирія*, а армянскій народъ вошелъ въ соприкосновеніе съ Ассиріей еще до гибели этого царства.

Изложенное мы имѣемъ предпослать какъ предисловіе къ историческому очерку о народѣ, который былъ повелителемъ древняго Востока и нынѣ влачитъ самое жалкое существованіе.

I.

„Этнографическая таблица,“ какъ называютъ ученые X главу книги Бытія

вмѣстѣ съ послѣдующей XI главой,—этотъ документъ наиболее древней, наиболее драгоценной и полной исторіи расселенія народовъ въ древнемъ мірѣ, подлинность котораго все болѣе подтверждается сравнительнымъ языкованіемъ, фізіологическимъ изслѣдованіемъ различнымъ націй и освѣщается при помощи раскопокъ новооткрытыми данными клинообразныхъ памятниковъ,—происхожденіе ассирійцевъ ведетъ отъ второго сына Сима, внука Ноя, Ассура (X, 22) и первоначальное зарожденіе государственной жизни ихъ указываетъ въ странѣ Ассуръ, гдѣ средоточіемъ ея были Ниневія и окружающіе ее города (X, 11-12).

Подъ „страною Ассуръ“ мы можемъ подразумѣвать первоначально лишь царство-городъ, т. е. область города Ассура, нынѣшняго Каала Шергата. Городъ этотъ находился почти внѣ той области, которая впоследствии составила собственно Ассирію, и уже изъ самаго положенія его, расположеннаго слишкомъ далеко къ югу и притомъ на правомъ берегу Тигра, вытекаетъ, что онъ не могъ быть съ самаго начала столицею крупнаго государства. Властители его носили имя патези, т. е. вассальныхъ князей, и въ данномъ случаѣ „страна Ассура“ являлась вассальнымъ государствомъ высокоразвитыхъ странъ Тигро-Евфратской низменности, преимущественно Вавилоніи. Свѣдѣнія касательно этого историческаго періода Ассура не идутъ далѣе 2000 лѣтъ до Р. Х.. Первые извѣстія, какія мы имѣемъ о вступившемъ на путь завоеваній „царствѣ“ Ассиріи, относятся къ XVI столѣтію. Ассирія начинаетъ постепенно вытѣснять сосѣднихъ правителей, завязываетъ сношенія съ Египтомъ и уже вступаетъ въ договоры съ Вавилоніей. Естественной цѣлью этой эпохи прогресса Ассиріи было положить конецъ опека Вавилоніи. Сначала вліяніе Ассиріи было счастливой политикой родственныхъ отношеній, возникшихъ благодаря браку ассирійской принцессы съ вавилонскимъ царемъ; затѣмъ оно стало вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Вавилоніи и естественно привело къ неприятымъ столкновеніямъ, причемъ Вавилонія

потерпѣла пораженіе. Можно полагать, что при началѣ своего развитія въ XIV или XIII в. до Р. Х. Ассирія уже утвердила за собою Месопотамію, получивъ область по верхнему теченію р. Тигра, Вавилонія же по нижнему. Въ то же время по области, лежащей между Тигромъ и Евфратомъ, она продвинулась въ Арменію и въ этой культурной странѣ имѣла предосторожность для защиты своихъ интересовъ основать ассирійскія колоніи. Какъ видно отсюда, Ассирія имѣла тогда свѣжее жизнеспособное населеніе; это предполагаетъ наличность многочисленнаго крестьянскаго сословія. Какъ оно сложилось, мы не знаемъ, но его существованіе доказывается тѣмъ, что Ассирія могла основывать колоніи. Съ другой стороны, появленіе колоній указываетъ на неудовлетворительность поземельныхъ отношеній, на возникновеніе перенаселенія и на такую неравномѣрность распредѣленія земли, при которой становится невозможнымъ дальнѣйшее мирное развитіе. Хотя впоследствии основанныя Ассиріей колоніи не находили себѣ поддержки отъ метрополи, однако продолжали существовать и послѣ того, какъ Ассирія не разъ теряла эти мѣстности... Старая столица Ассуръ не могла уже больше служить центромъ новаго обширнаго царства, поэтому резиденція была перенесена выше по теченію рѣки на лѣвый берегъ Тигра, на мѣсто, болѣе отвѣчающее новымъ условіямъ и требованіямъ. Новой столицей сдѣлался городъ Калахъ (Нимрудъ). Какъ только Ассирія вошла въ соприкосновеніе съ Вавилоніей, ясно было, что оно обратится въ столкновеніе. Ассирія всегда охотно играла роль стороны нападающей, и вотъ рядъ начатыхъ ею войнъ дѣлаетъ Ассирію властительницей всей Вавилоніи. Но это блестящее положеніе Ассирії было непродолжительно: вслѣдствіе революціоннаго движенія въ самой Ассирії и въ связи съ возстаніемъ въ Вавилоніи, а также благодаря другимъ событіямъ, удивительнымъ при одновременномъ занятіи ассирійскаго престола двумя царями, новое государство было сведено совершенно почти къ тѣмъ же предѣламъ, въ какихъ находилась первоначально „страна Ассуръ“.

Новый расцвѣтъ ассирійскаго могущества относится къ XII столѣтію и является повтореніемъ успѣховъ и распаденія Ассирії въ предшествующій періодъ. Тѣ же походы на сѣверъ въ области между Тигромъ и Евфратомъ, причѣмъ была занята горная страна между Месопотаміей и Арменіей до истоковъ Тигра, и затѣмъ на западъ, такъ что прежніе предѣлы месопотамскаго царства были восстановлены; отсюда былъ предпринятъ походъ въ Финикію, оживившій раннѣйшія сношенія съ Египтомъ. Послѣ того какъ, такимъ образомъ, обезпеченъ былъ западъ, естественно опять настала очередь востока: были завоеваны сѣверо-вавилонскіе города, а вмѣстѣ съ ними и Вавилонъ. Но за быстрымъ успѣхомъ послѣдовала столь же быстрая неудача: Ассирія снова сразу потеряла все, что тѣмъ временемъ было приобрѣтено, опять владѣетъ только „страной Ассуръ“ и должна въ третій разъ начинать свое дѣло сызнова.

Долгое время послѣ того объ Ассирії ничего не слышно: она оставалась въ бездѣйствіи вслѣдствіе своего внутренняго истощенія. Впрочемъ, вниманіе ея теперь отвлекалось и вторженіемъ кочевниковъ. Въ то время какъ халдеи проникаютъ въ Вавилонію, населяютъ страну, стараются завладѣть городами и въ концѣ концовъ дѣлаются державными обладателями, Ассирія должна была сдерживать нашествіе арамеевъ, если сама не желала сдѣлаться предметомъ ихъ завоеванія и подпасть подъ ихъ владычество.

Съ половины X столѣтія Ассирія снова выступаетъ на поприще завоеваній. Теперь Месопотамія уже прочно входитъ въ составъ ассирійскаго царства. Харранъ и Ассуръ являются столицами обѣихъ половинъ царства. Правда, одна изъ нихъ совершенно занята арамейскимъ населеніемъ. Это населеніе обнимаетъ рядъ арамейскихъ государствъ, князья которыхъ пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы сдѣлаться независимыми или самимъ присвоить себѣ власть. Но этому былъ положенъ конецъ, когда была уничтожена ленная зависимость и введено управленіе провинціями: арамеи обратились въ асси-

рійскихъ подданныхъ. Колонизованныя ранѣе страны были отвоеваны или укрѣплены. Послѣ этихъ ближайшихъ цѣлей предпринимаются походы за Евфратъ, причемъ по пути покоряются новыя области и уже колонизуется берегъ моря, вдоль котораго растянулась цѣпь вассальныхъ государствъ Ассиріи. Приблизительно на такое же разстояніе продвигаются границы Ассиріи къ востоку отъ Тигра, а на югѣ онѣ достигаютъ Персидскаго залива... На нѣкоторое время это завоевательное движеніе было сведено къ ничтожнымъ въ сущности результатамъ. Въ Ассиріи совершаются дворцовые перевороты, вспыхиваютъ возстанія; такія потрясенія постоянно отражались на новыхъ и новыхъ мѣстахъ и постепенно охватили значительную часть страны. Какъ только Ассирія сама перестала нападать, то начали нападать на нее. Въ общемъ дѣло идетъ объ удержаніи уже завоеваннаго и многое было потеряно... Но вотъ съ половины VIII в. начинается новый періодъ подъема, который ставитъ Ассирію на степень господствующей державы въ передней Азіи. Онъ то главнымъ образомъ и утвердилъ славу ассирійскаго имени. Въ это же время Ассирія появляется въ роли дѣйствующаго лица въ исторіи того народа, священныя книги котораго сохранили память объ Ассиріи въ теченіе двухъ тысячелѣтій, пока памятники ассирійской исторіи находились подъ землей и неизвѣстенъ былъ даже языкъ этихъ властелиновъ передней Азіи. Дальнорочкіе пророки уже ранѣе замѣтили появленіе ихъ. Пр. Амось, хотя и не называя ассирійцевъ по имени, уже предсказывалъ, что возстанетъ народъ, который будетъ увлекать народы одинъ за другимъ въ плѣнъ (I, 2-15; VI, 14; VII, 17). Пр. Осія еще опредѣленнѣе выставлялъ опасность, называя грозную монархію по имени и ея царя—Тарева, т. е. царя споровъ и браней (X, 6 ср. V, 13). Чуткое ухо боговдохновеннаго Исаи уже слышало звуки опустошительнаго движенія ассирійскихъ войскъ, и онъ предсказывалъ о ихъ дикой воинственности. Нашествіе ихъ, по выраженію пророка, какъ „ливень съ градомъ и губительный вихрь, какъ разлившееся наводненіе бурныхъ водъ

(XXVIII, 2).“ Это былъ тотъ народъ, у котораго, по словамъ пророка, „стрѣлы его заострены и всѣ луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его какъ вихрь. Ревъ его, какъ ревъ львицы; онъ рыкаетъ подобно скимнамъ, и зареветь, и схватитъ добычу, и унесетъ, и никто не отниметъ. И зареветь на него въ тотъ день какъ бы ревъ разъяреннаго моря; и взглянетъ онъ на землю, и вотъ тьма, горе, и свѣтъ померкъ въ облакахъ (V, 28-30)“. Дѣлая подобныя предостереженія, пророки вѣрно опредѣлили дѣйствительный характеръ ассирійскаго народа.

Ассирійская монархія дѣйствительно была великимъ предметомъ мыслей и опасеній народовъ въ VIII столѣтіи. Это было военное хищническое государство, которое, опираясь на войско, составленное изъ сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ наемниковъ, грабитъ народы. Съ одной стороны, наемное войско требуетъ всегда дѣла и добычи; съ другой, какъ извѣстно, въ восточномъ государствѣ нѣтъ въ наличности достаточныхъ средствъ для содержанія войска, если только они не выжимаются изъ другихъ странъ. Земля по большей части находится во владѣніи феодаловъ и духовенства, большіе города освобождены отъ налоговъ, а незначительное угнетенное крестьянское сословіе, конечно, не можетъ доставить требуемыхъ средствъ. Такимъ образомъ самый государственный строй Ассиріи носилъ въ себѣ побужденіе къ постояннымъ завоевательнымъ и разбойничьимъ походамъ; онъ самъ по себѣ уже толкалъ ее по разъ выбранному пути, если-бы даже и не было у нея той приманки, которую представляло сосѣдство болѣе богатыхъ и менѣе сильныхъ народовъ.

Образъ дѣйствій по отношенію къ покоряемымъ государствамъ былъ простой эксплоатаціей. Царя вынуждали платить дань; если онъ соглашался, онъ становился вассаломъ Ассиріи. Кромѣ дани, его обязывали поставлять войско. Это, въ сущности (особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда повинности велики, а страна не въ состояніи выполнить ихъ), означало немного болѣе того, что онъ исполнялъ просто должность сборщика дани и на немъ лежала отвѣтственность за

точное выполненіе всѣхъ повинностей. Однако Ассирія не считала себя обязанной гарантировать вассалу безусловную защиту отъ враговъ и этимъ дать возможность ему выполнить обязательства. Если же притѣсненія сосѣдняго народа доводили его до отпаденія отъ Ассиріи,—являлось ассирійское войско, привлекая къ отвѣтственности „отпадшаго,“ который, быть можетъ, только уступилъ насилію. Вообще вассальные цари находились между двухъ, а часто и между трехъ огней. Съ одной стороны они отвѣчали предъ Ассиріей, съ другой имъ приходилось считаться съ недовольствомъ народа, принужденнаго платить большія подати. Такимъ образомъ создавались партіи, которыя, соотвѣтственно своимъ интересамъ, стояли за присоединеніе либо къ Ассиріи, либо къ какому-нибудь другому крупному государству. Между ними стоялъ царь, положеніе котораго по большей части было незавидно, такъ какъ его могло спасти только присоединеніе къ дѣйствительно сильнѣйшей державѣ. По самой природѣ вещей положеніе, не дававшее вассалу ничего, кромѣ гнетущей зависимости, уничтожалось, какъ только являлась надежда на успѣхъ отпаденія. Но при военной мощи ассирійцевъ судьба отпавшихъ государствъ была недолговѣчна. Если ассирійской партіи не удавалось побѣдить своихъ противниковъ и купить милость Ассиріи принятіемъ на себя еще большихъ повинностей, и дѣло доходило до отчаянной борьбы, то жребіемъ побѣжденныхъ было разрушеніе государства, смерть бунтовщиковъ, рабство населенія. Среди древнихъ азіатскихъ народовъ ассирійцы были народъ безпримѣрно свирѣпый, коварный, невѣрный и вѣроломный, и обычно они жестоко обращались съ завоеванными народами. Плѣнники иногда были оставляемы въ живыхъ для того, чтобы быть подвергнутыми въ рабство на нескончаемыя работы, но большинство ихъ послѣ же битвы или осады подвергалось ужаснѣйшимъ жестокостямъ. Одержимые необыкновенною гордостью, ассирійцы ни во что ставили другихъ людей и, считая всѣ покоряемые народы жертвой для своихъ боговъ, дѣйствительно

приносили имъ человѣческія жертвы, избивая и истязуя цѣлыя массы плѣнныхъ. Памятники ассирійскіе переполнены изображеніями такихъ сценъ изъ завоевательной дѣятельности ассирійскихъ царей, предъ которыми леденѣетъ стъ ужаса сердце. Эти цари являлись какъ бы служителями смерти и съ поистинѣ неспостижимымъ злорадствомъ наслаждались всевозможными, наиболѣе мучительными, способами предаванія военноплѣнныхъ смерти. Сажаніе на коль, сдираніе кожи съ живыхъ людей, постепенное отрубаніе членовъ—эти и многія другія жестокости увѣковѣчены въ надписяхъ и монументальныхъ изображеніяхъ. Такъ какъ культъ ассирійскій вмѣстѣ съ кровавядностью отличался и чудовищнымъ распутствомъ, то въ завоевательной дѣятельности ассирійцевъ безчеловѣчныя жестокости шли рядомъ съ скотскою похотливостью, и на памятникахъ цари не разъ съ гордостью заявляютъ, какъ они лично обезчещивали дѣвицъ и юношей завоеванныхъ народовъ.

Государство, вполне завоеванное силою оружія, подлежало конфискаціи: оно теряло свою самостоятельность и дѣлалось ассирійской провинціей. Но навязывать ассирійское управленіе чужой народности, только что своимъ возстаніемъ доказавшей жизнеспособность своей самобытности, врядъ ли было возможно. Это значило обречь на вѣрную смерть немногихъ ассирійскихъ чиновниковъ при первой же вспышкѣ недовольства. А обращеніемъ въ рабство большей части населенія былъ бы нанесенъ значительный ущербъ платежной способности новой провинціи. И вотъ, когда Ассирія уже болѣе не могла высылать колонистовъ, это зло старались предотвратить перетасовкой населенія завоеванныхъ провинцій, лежавшихъ на противоположныхъ концахъ государства. Этимъ способомъ достигали во-первыхъ новаго заселенія областей, во-вторыхъ покорности отъ новыхъ колонистовъ ассирійскому управленію. У нихъ, оторванныхъ отъ родной почвы, составленныхъ изъ различныхъ народностей, еще не слившихся съ остаткомъ чуждаго имъ туземнаго населенія, не было иной

прочной опоры, кромѣ ассирійскихъ чиновниковъ. Племенная и сословная организація, связывавшая ихъ на родинѣ, такимъ путемъ была уничтожена, и они были лишены возможности сопротивляться новой власти. Управление, дѣйствительно отвѣчающее требованіямъ культуры, могло бы найти достаточно матеріала для созданія новаго населенія, интересы котораго были бы неразрывно связаны съ основнымъ ядромъ ассирійскаго государства. Но административные приемы военно-хищническаго государства не приспособлены къ созиданію прочной культуры. Ассирія хотѣла только брать у новыхъ провинцій и ничего не могла имъ дать. Главная цѣль ассирійскаго управленія—обогащеніе административныхъ чиновниковъ отъ незначительнаго сборщика податей до намѣстника; одинъ состоялъ данникомъ другого, и намѣстникъ, наконецъ, долженъ платить двору. Если провинція что-либо „получала“ (если, вообще, это когда-либо случалось), то, конечно, эта полчка не могла идти въ сравненіе съ тѣмъ, что она отдавала. Результатомъ такого по-

рядка вещей всюду могло быть только обѣднѣніе и опустѣніе. Послѣ того, какъ метрополія потеряла свою жизнеспособность и стала жить за счетъ подчиненныхъ государствъ, перенесеніе приемовъ ея правительственной политики на нихъ должно было и здѣсь вести къ тѣмъ же результатамъ. Зато, благодаря награбленнымъ богатствамъ, въ главнѣйшихъ центрахъ Ассирійскаго государства развилась поразительная роскошь, выражавшаяся въ особенности въ величественномъ строителствѣ. Особеннымъ величіемъ отличалась Ниневія, столица Ассиріи. Всѣ неистощимыя богатства и жертвы деспотическаго могущества изъ вѣка въ вѣкъ обращались на построеніе дворцовъ, храмовъ и общественныхъ зданій Ниневіи, дѣлая ее славой всей монархіи. Великолѣпныя сады, для удовольствія монарха и его двора и знати, разнообразили монотонность блеска...

Такимъ путемъ создалось огромное политическое могущество Ассирійской монархіи, но имъ же была рѣшена и неминуемая гибель ея...

(Окончаніе въ слѣд. №-рѣ)

« ПОМНИ ПЕРСІЮ. »

Поздно ночью части полка получили приказъ немедленно выступить въ Персію и ранѣе сутокъ уже неслись въ поѣздѣ къ границѣ. Здѣсь успѣло создаться самое тревожное настроеніе. Ходили слухи, что проходитъ къ Тавризу чрезъ Дарадисское ущелье занятъ персидскимъ отрядомъ, что даже ожидается нападеніе на нашу охранную роту въ пограничной персидской Джульфѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ все болѣе вырисовывалась угрожающая опасность. Вотъ получается донесеніе, что сотня казаковъ, находившаяся въ предмѣстьѣ Тавриза, погибаетъ. Немедленно двѣ роты съ пулеметами садятся на грузовые автомобили, а офицеры въ пасса-

жирскій. Но снѣговая обледенѣвшая дорога не подъ силу машинамъ, постоянно нужно было посыпать путь пескомъ, а шоферъ-персъ незамѣтно выбросилъ винтъ изъ механизма и автомобиль съ офицерами остался на мѣстѣ. Въ то-же время обычныя тягости похода въ такой обстановкѣ, которая, очевидно, недостаточно была учтена ранѣе, обращались въ настоящія лишенія: обозъ отсталъ и, значитъ, всѣ безъ ѣды и питья, въ чемъ былъ кто, такъ и ложился спать въ конюшняхъ или подобныхъ помѣщеніяхъ. Не смотря на всѣ препятствія, эшелонъ на третій день уже подошелъ къ Тавризу (123 вер.). Врагъ, видимо, и на это не рассчитывалъ. При

движеніи отряда лишь кучка всадниковъ обстрѣляла его и такъ же ничтожно оказалось нападеніе при приближеніи къ городу. А жители такъ и совсѣмъ не считались съ появленіемъ русскихъ: теперь они бросились бѣжать, но имущество оставалось на мѣстѣ, или напр., въ покинутомъ жилищѣ топи-лась печь, былъ приготовленъ чай. Пока подошла артилерія, настала ночь, и вотъ ничтожная горсть людей, посланныхъ на выручку осажденныхъ, сама оказалась во вражескомъ станѣ.

Такъ началась наша экспедиція въ Персію послѣ довольно длительной дипломатической доуки, но теперь мы шли, что говорится, на рожонъ. Прокламаціи оповѣщали тавризское населеніе, что съ русскимъ охраннымъ отрядомъ въ городѣ могутъ справиться уже однѣ женщины, а всѣ имѣющіе оружіе должны отразить наступленіе. Это и случилось бы, если бы персидскіе революціонеры не онаглѣли въ конецъ. Пусть въ ихъ распоряженіи не было достаточнаго количества усовершенствованныхъ ружей, пусть въ общемъ они не умѣли пользоваться прицѣльными приспособленіями своихъ винтовокъ, но вѣдь ничего не стоило бы имъ истребить высланный эшелонъ еще въ Дарадисскомъ ущельѣ, гдѣ баталіонъ можетъ остановить цѣлую дивизию. Эту гибель они готовили въ предмѣстьяхъ города, гдѣ были сооружены окопы съ бойницами и баррикады, причемъ и окружавшія высоты были укрѣплены настоящими стрѣлковыми окопами, и здѣсь-то собралась столь многочисленная вооруженная банда, что поднятый ею, при наступленіи отряда, какой-то вой заглушалъ орудійную пальбу. Кажется, только осажденные представляли всѣ ужасныя послѣдствія нашего рискованнаго положенія и сами же просили своихъ защитниковъ ни подъ какимъ видомъ не вступать въ городъ...

Давно тревожныя извѣстія посылались съ мѣста и въ Тегеранъ и въ Россію. Давно были обращены съ персидской крѣпости въ Тавризъ орудія на русской охранной отрядъ, и не въ одну же ночь выросла вся оборона здѣсь и даже на русскомъ шоссе къ городу. Давно наши пограничныя войска были пре-

дупреждены о выступленіи въ Персію, но все отдалявшееся ожиданіе скрывало и здѣсь надвигавшуюся опасность. И вотъ только жгучее чувство самозащиты у осажденныхъ, которымъ угрожали помимо смерти жесточайшія истязанія, да горячее сердце братьевъ-защитниковъ, которые уже знали, что „свободные граждане конституціонной Персіи“ скальпировали русскихъ, обливали фатагеномъ и жгли и бросали въ отхожія ямы, а дѣтямъ своимъ давали для забавы отрубленную голову,—только это должно было принять на себя давно подготовленный ударъ.

Врагъ былъ увѣренъ, что осажденный отрядъ разстрѣлялъ снаряды, поэтому открытый послѣднимъ совмѣстно съ наступающимъ отрядомъ огонь смутилъ его; а молодецкій натискъ неожиданно ворвавшегося въ предмѣстье города наступающаго отряда, можно сказать, убилъ его, и это былъ моментъ уже рѣшившій исходъ тавризскаго выступленія.

Мы не имѣемъ въ виду напоминать обстоятельства нападеній на наши отряды въ Тавризѣ и другихъ пунктахъ Персіи; въ свое время печать достаточно характеризовала дѣйствія нашего вѣроломнаго врага. Нѣтъ надобности возвращаться и къ исторической памяти о разныхъ выступленіяхъ противъ насъ Персіи, начиная съ убійства Грибоѣдова; прежнимъ счетамъ нѣтъ мѣста въ странѣ, утратившей свое политическое бытіе, и то, что случилось съ нами въ Персіи теперь, раскрыло подъ бокомъ у насъ новое сосѣдство, съ которымъ считаться еще только предстоитъ. Отнынѣ Персія выступаетъ предъ нами въ новой роли: это—новая штабъ-квартира російскихъ революціонеровъ. Среди нихъ много знакомыхъ фізіономій—чисто русскія и инородческія, но наши домашніе революціонеры усилились здѣсь новыми друзьями въ лицѣ мѣстныхъ революціонеровъ—фидаевъ.

Персія еще очень недавно выступила въ роли нашего революціоннаго сосѣда. Но, несомнѣнно, она очень охотно и большія предоставила бы удобства для нашихъ „товарищей“ съ Кавказа, если бы ихъ не увлекли въ свое время въ Выборгъ. Извѣстный въ Россіи

болѣ всего армянамъ—Ефремъ, замѣшанный въ революціонномъ движеніи въ Тифлисъ, въ Персіи оказался же первымъ гражданиномъ конституціоннаго государства: теперь онъ былъ вдохновителемъ тавризскаго выступления. Однимъ изъ главныхъ вожаковъ послѣдняго состоялъ русскій революціонеръ и бѣглый каторжникъ Лебедевъ, и вотъ какой планъ проводилъ онъ здѣсь: пока Россія будетъ занята предвыборной борьбой, Турція используетъ наши внутренніе безпорядки для своего нападенія, началомъ же всей компаніи должно было явиться возбужденіе противъ Россіи въ Персіи, чрезъ которую Турція поведетъ наступленіе, и такое же воздѣйствіе на Кавказъ. Въ выполненіи этого сложнаго плана главная роль принадлежала, конечно, турецкому и кавказскому дашнакцютюну, затѣмъ на поводу у него шли мѣстные революціонеры до самыхъ верховъ и, наконецъ, покровительствующая Турція въ ожиданіи и наготовѣ.

Союзниковъ у революціонеровъ въ Персіи хоть отбавляй. Такъ, недавно ими была устроена маленькая репетиція съ курдами, состоящими на службѣ у Турціи. Изъ телеграммъ П. Агентства уже извѣстно о вооруженномъ столкновеніи отряда нашего урмійскаго гарнизона съ курдами. Былъ полученъ слухъ, что курды имѣютъ намѣреніе напасть на айсорское христіанское селеніе, и вотъ конвой шелъ съ мирными цѣлями, не думая ни

о какихъ засадахъ, чтобы покончить обычный здѣсь споръ о водоснабженіи мѣстныхъ жителей. Когда раздался предательскій выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ айсоръ-переводчикъ, съ горъ и изъ заранѣе сдѣланныхъ курдами каменныхъ закрытій посыпались градомъ пули на участниковъ экспедиціи. Курды очутились и на флангахъ и въ тылу. Къ нимъ все подходили подкрѣпленія изъ-за горъ и набралось человѣкъ до 400. Ими руководили фидаи шайки Сеидъ-уль-Мемалика, а также и армянскіе фидаи, прочно свившіе себѣ гнѣздо въ Урмійскомъ округѣ. Казавшееся внезапнымъ, нападеніе далеко не было секретомъ здѣсь: нѣкоторые мирные курды и айсоры-христіане еще наканунѣ сообщили на наши дорожные посты, что русскіе дерутся съ курдами въ Урміи. Въ полной увѣренности все разбойные здѣсь элементы рассчитывали, что будетъ посланъ небольшой отрядъ, чѣмъ мы и располагали здѣсь ранѣе. И они были правы. Но когда нападеніе оказалось такъ обширнымъ, пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи, и поданною своевременно помощью курды были быстро разсѣяны и селенія ихъ сожжены...

Да хранитъ Господь отважныхъ воиновъ 5-го Кавказскаго полка и его кунаковъ по оружію, блеснувшихъ былою русской славой въ Тавриздѣ и теперь беззавѣтно стоящихъ настражѣ Россіи въ самомъ удаленномъ углу Персіи!

Архимандритъ Сергій.

„ПАСТЫРСКАЯ СВИРѢЛЬ.“

Предметы догматическаго и нравственнаго ученія церкви, изложенные въ формѣ проповѣдей.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Въ мѣсто предисловія. Пастырское служеніе въ Церкви Христовой. Проповѣди. Размышленія христіанина о тайнѣ рожденія Христа Спасителя. Тайна преображенія Христова на Фаворѣ. Слово о монашествѣ къ новопостриженному иноку. Поученіе въ день новаго года. Рабство грѣху и рабство Христу. Взаимное ношеніе бремени. Храмъ, вмѣстившій Бога. Свое и Христово. Притча о неразумномъ богачѣ. Пѣсни спасенія. О вѣрѣ. Источникъ чести. Слово Христово. Марea и Марія. Вѣчная жизнь. Мамона. Преображеніе. Падшій образъ. Слѣдованіе за Христомъ. Благовѣщеніе. Первые христіане. Воцерковленіе. Расхищеніе дома сильнаго. Видящіе слѣпцы и невидящіе зрячіе. Міровая борьба. Радость о покаяніи. Вражда человѣка къ Богу и любовь Бога къ человѣку. Христіане. Вознесеніе. Единеніе духа въ союзѣ мира. Блаженство богообщенія. Христіанская любовь. Мудрость и простота. Сокровище. Свобода. Тщетная вѣра. Старая закваска и новое тѣсто. Духовная глухота. Царство небесное. Недѣля св. апост. Фомы. Плачь любви. Св. Дѣва Марія. Рай. Ложныя дарованія. Страхъ Божій. Христосъ—вѣчный свидѣтель истины. Жизнь въ духѣ. Торжество православія. Погибшая надежда. Предопредѣленіе. 1-23-298 стр.

Цѣна съ пересылкой 1 р. Деньги отъ продажи поступаютъ въ пользу семиклассной школы-пансіона при Урмійской Духовной Миссіи. Складъ изданія (300 экз.) при типографіи Миссіи.

Объ изданіи журнала

П Р А В О С Л А В Н А Я У Р М І Я .

Журналъ Православная Урмія издается съ 1905 года и, какъ органъ русской духовной Миссіи среди сирійцевъ, „имѣеть задачей утверждать въ православіи членовъ сирійской церкви, знакомить ихъ съ ученіемъ православія черезъ выясненіе основныхъ его догматическихъ и нравственныхъ истинъ, развивать въ нихъ живое церковное сознаніе и тѣмъ способствовать полному и тѣсному сліянію ихъ съ св. Церковью;“ „съ другой же стороны журналъ предназначается въ нѣкоторой степени и для русскаго православнаго общества, чтобы знакомить его съ жизнію Урміиской церкви, ея настоящимъ и прошлымъ и дѣлами Миссіи.“

Юная изъ русскихъ духовныхъ миссій, Православная Урміиская Миссія очень скоро вслѣдъ за возникновеніемъ имѣла возможность создать свой печатный органъ и потому естественно всецѣло обратила вниманіе на церковно-богословскій отдѣлъ программы; мѣстная церковно-общественная жизнь, конечно, захватывала вниманіе Миссіи, но съ ея стороны требовалась достаточная освѣдомленность, прежде чѣмъ знакомить съ сирійской церковію широкій кругъ русскаго православнаго общества. Вотъ почему журналъ Православная Урмія въ первое время далъ нѣсколько статей самаго общаго характера на русскомъ языкѣ, притомъ параллельно съ сирійскимъ текстомъ, и затѣмъ прекратилъ русское изданіе. Теперь же не только своевременно, но и необходимо для журнала Православная Урмія русское изданіе второго отдѣла намѣченной программы. Сирійская церковь, съ любовью принятая въ общеніе Русской церковью, насчитываетъ въ настоящее время до 20 т. нашихъ младшихъ братьевъ по вѣрѣ, и православный русскій человѣкъ не долженъ оставаться въ невѣдѣніи о судьбѣ тѣхъ, которые духовно связаны съ нимъ и чутко прислушиваются къ біенію великаго русскаго сердца. Если историческая миссія Россіи на Ближнемъ Востокѣ, то общая и непоколебимая здѣсь вѣра въ справедливый и любвеобильный русскій народъ съ особенною силою убѣждаютъ въ этомъ. Тѣмъ болѣе нельзя оставаться безучастнымъ къ насажденію и укрѣпленію началъ православія въ сосѣднемъ съ Русскою Державою краѣ и находящемся въ сферѣ ея политическаго вліянія. И Миссія въ дальнѣйшемъ изданіи своего журнала неуклонно приступаетъ къ выполненію предначертанной задачи: приобщая путемъ печати душу и сердце своихъ духовныхъ чадъ къ родному православію,—одновременно и въ читателяхъ св. Руси вызывать участіе къ жизни и быту ихъ далекихъ единовѣрцевъ.

Журналъ Православная Урмія теперь имѣеть выходить въ двухъ изданіяхъ: 1.) по прежнему одинъ разъ въ мѣсяцъ на сирійскомъ языкѣ и въ этомъ изданіи онъ останется вѣрнымъ первоначальной программѣ: возвѣщать догматическую и историческую правду Православія, какъ путемъ раскрытія положительнаго ученія Церкви, такъ и путемъ разъясненія и опроверженія приражающихся заблужденій; защищать правоту русскаго православнаго дѣла отъ непріязненныхъ выходовъ и неблагоприятнаго вліянія окружающей инославной среды, враждебно относящейся къ успѣхамъ нашей миссіи въ этой странѣ; и, наконецъ, давать назидательное чтеніе по обзорнѣю событій обще-міровой жизни: церковныхъ, государственныхъ и политическихъ,—преимущественно же изъ жизни Россіи и Ближняго Востока; 2.) также одинъ разъ въ мѣсяцъ русскимъ изданіемъ, гдѣ дано будетъ возможно полное освѣщеніе мѣстной церковной жизни и жизни общественной, поскольку она соприкасается съ церковною; здѣсь будутъ печататься: I. Публицистическія статьи, посвященныя выдающимся явленіямъ мѣстной церковно-общественной жизни; II. Очерки по исторіи прошлой и современной жизни сирійской церкви, въ которыхъ найдетъ свою исторію и Православная Урміиская Миссія. III. Письма миссіонера, рисующія въ географическихъ и этнографическихъ очеркахъ положеніе Миссіи въ краѣ; IV. Извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладываемыя въ вышеозначенные отдѣлы.

Редакторъ

П. Начальн. Миссіи, Свящ. Н. Рубинъ.